

МАРК КАЗИНС

ЧЕЛОВЕК СМОТРЯЩИЙ

АЗБУКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 7.01
ББК 71
К 14

Mark Cousins
THE STORY OF LOOKING
Copyright © Mark Cousins, 2017
All rights reserved

This edition is published by arrangement with Canongate Books Ltd., 14 High Street,
Edinburgh EH1 1TE, United Kingdom and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского
Наталии Роговской (предисловие, главы 10–16, заключение)
и Татьяны Шушлебиной (главы 1–9, 17)

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Казинс М.

К 14 Человек смотрящий / Марк Казинс ; пер. с англ. Н. Роговской,
Т. Шушлебиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. : ил.
ISBN 978-5-389-14061-5

«Поднимите взгляд от книги и посмотрите вокруг. Соедините мир чтения с окружающим вас реальным миром. Дайте своим глазам поблуждать», — вслед за автором, которому, по собственному признанию, язык визуальных образов всегда давался легче, чем письменный, читателю этой книги блуждать придется немало.

Новая книга всемирно известного режиссера, кинокритика, автора телевизионных фильмов, почетного профессора Университета Глазго и уникального рассказчика Марка Казинса — одновременно фотоальбом и арт-галерея, роуд-муви и визуальная грамматика. Величайшие произведения искусства, туристские фото, городские пейзажи, стоп-кадры из фильмов, научные достижения, протест, пропаганда, фальшивые зеркала, визионерские переживания — изощренный фоторяд наглядно иллюстрирует, насколько значительна мера, в какой мы сами конструируем то, что видим.

УДК 7.01
ББК 71

© Н. Роговская, перевод предисловия,
глав 10–16, заключения, 2018
© Т. Шушлебина, перевод глав 1–9, 17, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-14061-5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Часть первая. НАЧАЛО

Глава 1. Глаза открываются: <i>фокус, пространство и цвет</i>	19
Глава 2. Учимся смотреть: <i>визуальный контакт, движение, пейзаж, эмоция</i> ...	41
Глава 3. Смотрим и осмысляем: <i>наше «я», дом, дизайн</i>	66
Глава 4. Пора взрослеть: <i>желание, абстракция, бог</i>	82
Глава 5. Глаз и город	102

Часть вторая. РАЗВИТИЕ

Глава 6. Раздвигая горизонты — от Средних веков и далее: <i>торговля, Крестовые походы, империя, завоевания</i>	127
Глава 7. Глазами ученого: <i>факты, только факты</i>	149
Глава 8. Битва образов и сила взгляда в XVI и XVII веках: <i>протестантство, барокко, Османская империя</i>	170
Глава 9. Подоплека: <i>смех и слезы</i>	185
Глава 10. Как смотрели в XVIII веке: <i>гранд-туры, Просвещение, индустриализация, революция, полеты</i>	203

Часть третья. ПЕРЕГРУЗКА

Глава 11. Как смотрели в первой половине XIX века: <i>романтизм, Америка, железные дороги, фотография</i>	239
Глава 12. Вторая половина XIX века — прозрачный глаз: <i>литература, электрическая лампочка, импрессионизм, кинематограф, спорт</i>	277

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 13. Начало XX века — разъятый глаз. Часть 1: <i>микросмы, время, Тутанхамон</i>	324
Глава 14. Начало XX века — разъятый глаз. Часть 2: <i>протест, модернизмы, небоскребы, реклама</i>	346
Глава 15. XX век — утрата реальности? <i>Автострады, война,</i> <i>телевидение, селебрити, жажда видеть</i>	394
Глава 16. XXI век — сразу всюду: <i>скайп, тотальное наблюдение,</i> <i>реальность виртуальная и реальность дополненная</i>	429
Глава 17. Незримое, прошлое, смерть, ответный взгляд	441
Заключение	456
Благодарности	469

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шесть утра. Я просыпаюсь. В спальне темно, как в пещере. Раздвигаю шторы и вижу:

Запотевшее окно подсвечено снаружи натриевыми уличными фонарями. Вдалеке занимается тусклый, грязно-розовый рассвет. Выше густая синева. На фоне неба силуэт облетевшего дерева.

Эта акварель, эта размытая картинка действует на меня умиротворяюще. Сегодня начну писать книгу — книгу про то, как смотрят люди. Впереди месяцы работы, десятки тысяч слов. Страница за страницей разбитых на абзацы слов. Своим видом они ничем не напоминают наш мир, но с их помощью я попытаюсь его описать. Я еще сам точно не знаю, куда заведут меня слова. Я детально продумал книгу, но слова жи-

вут своей жизнью, иногда вопреки замыслу автора. Надеюсь, по ходу дела я что-то открою для себя. Возможно, и вас тоже ожидает радость открытия. А сейчас, пока длится альба — миг, предвещающий начало нового дня, — я доволен уже тем, что можно просто смотреть, наслаждаться сине-розово-оранжевым сиянием, мягким светом, непреднамеренным изяществом композиции, черной вертикалью, неглубоким фокусом, блаженным покоем. Никто другой не видит этого в точности как я, и даже если бы я сам проспал и не увидел этого, ничего бы не изменилось. Небо все равно было бы как на картине Тёрнера, и оранжевый свет так же падал бы снаружи на запотевшее стекло.

Нам, живущим в начале XXI века, нельзя не задумываться о законах визуального восприятия, о его эволюции и влиянии. Вот уже больше ста лет происходят грандиозные перемены в том, что и как мы видим. Видимый мир стремительно технологизируется. Фотография, кино, реклама, телевидение, Интернет, карты Гугл, смартфоны, скайп, Фейсбук, спутниковые системы навигации, виртуальная реальность и реальность дополненная создают иллюзию принципиально нового способа видения, каким никогда прежде человечество не обладало, — небывалое ощущение «разъятого глаза», как я называю это в последующих главах книги. Еще раньше, в XIX веке, фотографию порицали за то, что она лишает людей и местá особой, только им присущей ауры. А когда появился кинематограф, его агрессивную визуальность сочли вульгарной до непристойности. Телевидение, по мнению многих, зомбирует зрителей. Сегодня в Сеть ежегодно выкладывают около тридцати миллиардов фотографий-селфи. В 2013 году на траурной церемонии прощания с Нельсоном Манделой тогдашняя премьер-министр Дании Хелле Торнинг-Шмитт запечатлела себя вместе с Бараком Обамой и Дэвидом Кэмероном (все трое жизнерадостно улыбаются), игнорируя Мишель Обаму. В наши дни со всех сторон слышишь, как путешествуют по Европе японские туристы: вываливаются из автобуса, наспех делают фото очередной достопримечательности и едут дальше, впрочем британцы тоже больше фотографируют, чем смотрят. Родители без конца жалуются на детей, которые сидят дома и как приклеенные смотрят на всевозможные экраны, совершенно не интересуясь обычным, не виртуальным миром. Постоянно нарастающий поток зрительной информации страшит нас. Как он влияет на механизмы работы нашего мозга? Не загружаем ли мы на смартфон само наше сознание? Не слишком ли много — или фрагментарно — мы смотрим? Не придем ли мы к тому, что будем только смотреть, а не думать?

Некоторые из опасений, присущих цифровой эре, не лишены основания, как не были пустыми страхами и аналогичные опасения века де-

ПРЕДИСЛОВИЕ

вятнадцатого. Но путешествие, в которое я вас приглашаю, позволит поместить этот «ужас смотра» в некую историческую перспективу и лучше понять, какую роль присущая нам способность видеть играет в нашем эмоциональном, социальном, политическом, научном и культурном развитии. Ограничившись этой задачей и обращая особое внимание на то, как мы реагируем на видимый мир, я надеюсь внушить читателям надежду на благоприятный исход, невзирая на то что сейчас все мы переживаем настоящий визуальный шторм.

Само собой разумеется, люди умеют не только смотреть. Но еще и думать, слышать, двигаться, смеяться, любить, бояться, прикасаться, верить, читать, играть, помнить, творить, обижать, мечтать и делать многое другое, из чего соткана наша жизнь. Меня, например, из всех видов искусства больше трогает музыка, и когда я танцую, то закрываю глаза: в такие моменты мне не хочется смотреть, это портит все удовольствие. А еще я чувствую себя ненужным, если моя подруга отвлекается на Фейсбук, когда мы с ней вдвоем, и замечаю, что смартфоны в чем-то меняют наши отношения.

Но все это не мешает мне радоваться шторму, половодью, свежему ветру, который качает деревья и треплет мне волосы. Ниже я покажу, сколько возможностей, удовольствий, открытий несет с собой наша способность видеть и как она учит нас сочувствию. Скажем, казус с селфи Хелле Торнинг-Шмитт не так прост, как кажется. Буквально накануне дети научили ее делать селфи, и она, словно школьница, принялась с энтузиазмом осваивать новую игрушку. Местá на траурном мероприятии не были расписаны (за исключением нескольких, зарезервированных для самых высоких гостей), и она не подозревала, что будет сидеть рядом с Бараком Обамой, пока он с супругой не направился к свободным стульям слева от нее. Да, ее снимок — откровенное бахвальство, и невозможно поверить, что она совершенно не думала о пиаре, но в то, что она действовала под влиянием минуты, верится легко. Импульсивное желание крикнуть: «Посмотрите, где я сейчас!» — свойственно всем людям, и в чем-то оно даже трогательно, это понятная человеческая реакция на бег времени и зыбкость памяти. То же самое можно сказать и о туристах с фотокамерами. Они потратили кучу денег, заработанных нелегким трудом, чтобы съездить на другой конец света. И теперь, когда им нужно столько всего посмотреть — по два города за день! — они призывают на помощь свой мобильный телефон или цифровую камеру, им просто хочется, чтобы деньги и время были потрачены не зря, даже если глаза и память их подведут. Да, вернувшись домой, они будут надоедать друзьям фотографиями Эдинбургского замка или Эйфелевой башни, но через десять лет при взгляде на эти снимки им вспомнятся попутчики, или ко-

роткая остановка в пути — наспех заглотив кусок пиццы с пивом, — или собственное, тогда еще молодое, лицо... И в них что-то всколыхнется и перенесет их в прошлое, к той давней поездке. А что касается вашего ребенка, который не отлипает от смартфона, — да, это действует на нервы, да, чаще всего он смотрит всякую чушь, но это еще не повод объявлять войну экранам, так можно договориться до того, что смотреть вообще вредно. Мало ли какую чушь люди читают — и думают, если на то пошло. Глядя на экран, ребенок, особенно наделенный талантом видеть, непременно обнаружит то, что разбудит его мысль. Много из того, что мы видим, может эксплуатировать, ограничивать или оскорблять наше сознание, и я в своей книге не пытаюсь уклониться от подобных тем, но не меньше меня интересует, как зрение обогащает нашу жизнь.

Во всяком случае, мою жизнь оно обогатило. В школе учитель английского заставлял нас в классе читать вслух «Большие надежды» Чарльза Диккенса — обычная практика, нацеленная на то, чтобы дети получили удовольствие от романа. Многие мои одноклассники очень любили эти уроки и без запинки, с выражением читали, причем на разные голоса — за Пипа, Джо, мисс Хэвишем и других персонажей. Читали они замечательно — слова как бы сами собой выскакивали из раскрытой книги. О себе я этого сказать, увы, не могу. Когда я смотрел на печатную страницу, слова выглядели примерно так, как на врезке слева.

think he lacks ambition, others that he is playing a long game, working up to an audacious deal that will see him comfortable, somewhere far away, where it would be difficult for Victor Gilmartin to put his hands round Ferrie's neck and squeeze.

The gantry in Gilmartin's is twelve feet long, amber-stocked and glowing. Patrons gather round long wooden tables on pews and prayer seats. Oak, culled from churches Victor demolished in his previous incarnation, lines the walls. Barmen, in swinging kilts of mismatched tartan, glide from table to bar, floating silver trays of drinks above the heads of the crowd, without spilling a drop. If it were not for the ginning faces in the portraits that line the walls, the illuminated, chipped porcelain and flawed glass, it would be a pleasant place. As things are, it is an aesthete's nightmare.

There was a buffalo head mounted at eye level on the far wall. A young girl stroked the sparse hair on its nose sadly. Time.

A hundred years ago this strange-looking beast had run across a green grass plain in a herd that shook the ground with the weight of their hooves. Alongside comes a train. Red cattle-guard pointing the way, grey smoke trailing behind. The stoker shovels coal into the boiler, the driver pulls the whistle from the sheer excitement of the chase. Midway, in the third carriage down, a man lifts his rifle to the open window, levels his sights, focuses, squeezes the trigger and bam, one buffalo to be sawed, scooped, stuffed and preserved.

Victor was behind the bar, avuncular as ever.

'What do you think, Rilke? I just bought it this afternoon. It took three thirsty men forty minutes to get it up there. I'm going to have a competition to see who comes up with the best name.'

Унылая однотонная гранитная плита. Твердая и непроницаемая. Зато я с легкостью погружался в картинку (вроде той фотографии с видом из окна моей спальни сегодня утром) — нырял в них, как в воду. Они манили меня, завораживали, в них была ясная структура, их легко было прочитать, не то что страницу печатного текста! Мне всегда нравилось смотреть — это доставляет удовольствие, обостряет чувства, дает пищу уму и подогревает любопытство. Когда мне грустно, я иду бродить по городу, в котором живу, и смотрю на людей. Когда я изнемогаю от работы, я взбираюсь на гору и с высоты смотрю вокруг, насколько хватает глаз. Когда я вдали от дома, я достаю телефон, смотрю на фотографии женщины, с которой живу, и мне становится не так одиноко. Когда у меня есть свободное время, я отправляюсь смотреть на произведения искусства, на архитектуру, на при-

ПРЕДИСЛОВИЕ

родные ландшафты. Смотреть — для меня это как бальзам на душу и заодно понятная система координат, поэтому моя профессиональная жизнь тоже строится на зрительных образах. Большинство моих фильмов говорит о том, как важно смотреть. Каждый из них мог бы начинаться с короткого слова «смотри». Завершив работу над своей десятой картиной и осознав, что моя героиня после случившейся с ней беды возвращается к жизни благодаря тому, что смотрит на город, в котором живет (Стокгольм), — и к тому же заметив, что у меня начинает слабеть зрение и теперь мне нужны очки, — я решил написать эту книгу.

В художественных колледжах полно людей вроде меня — тех, кто больше «дружит» с образами, чем со словами; немало их и на технических факультетах, в рок-группах и на футбольных полях. Просто некоторые люди лучше умеют смотреть, чем читать. И если вы из этой породы, то моя книга будет вам особенно полезна. Возможно, вам еще нет двадцати, или вы студент-гуманитарий, или один из так называемого широкого круга читателей, не важно, какого возраста. А возможно, вы хорошо разбираетесь в визуальной культуре и скажете, что многое из написанного в этой книге всем давно известно и, наоборот, что-то важное не нашло в ней отражения. Пусть так. Это ведь не энциклопедия, и я намеренно предлагаю здесь сугубо личный взгляд на вещи.

В нашем путешествии я буду не единственным гидом. В каждой главе мы попробуем взглянуть на мир глазами разных художников, фотографов, кинорежиссеров, ученых и писателей. Им отводится роль наших суррогатных «смотрящих», дежурных на «горячей линии» между нами и визуальным миром.

И тронуться в путь нам поможет один из самых великих «смотрящих». Приглядитесь к этим наспех нацарапанным словам:

Они из письма французского живописца Поля Сезанна, которое он написал другу-художнику Эмилю Бернару в 1905 году. Почерк размашистый, беспокойный, не очень твердый — жизнь Сезанна подходила к концу, — но разобрать можно. Сезанн пишет: «L'optique se développant chez nous» — «Оптика, развивающаяся внутри нас», то есть наша «внутренняя оптика».

В том, что художник рассуждает об оптике, нет ничего необычного, в конце концов умение видеть — часть его профессии. Интересно дру-

гое: из его высказывания следует, что у каждого человека свой зрительный опыт и что наша природная «оптика» со временем развивается.

Что же он имел в виду? Мне кажется, речь идет о том, что человек проживает ту или иную «зрительную жизнь». Точно так же, как на протяжении жизни растет наш словарный запас, расширяется и наш визуальный словарь. Полагаю, именно в этом заключается мысль Сезанна. И в этом центральная идея моей книги. Ваша «оптика», то, как вы смотрите, вбирает в себя все, что вы когда-либо видели: это ваш внутренний глаз, ваш собранный за жизнь фотоальбом. В своем «Философском словаре» Вольтер утверждал, что всякая идея опирается на «образ, запечатленный в вашем мозгу», и что самые абстрактные понятия складываются на основании всего усвоенного вами в непосредственном чувственном опыте. У вас, у меня, у каждого в голове свое хранилище образов, и это верно для всякого зрячего человека во все времена.

Попробуйте представить, например, какие образы роятся в голове у этой женщины.

Базальтовое изваяние Клеопатры, выполненное около 40 года до н. э., при жизни египетской царицы, смотрит на нас пустыми глазами, но пусть это не вводит вас в заблуждение. Клеопатра, представительница греческой правящей династии, была едва ли не самой могущественной женщиной своей эпохи. Взгляд таких людей проникает в потемки чужой души; перед ним возникают необъятные дали и многотысячные толпы простых смертных, которые со страхом и надеждой взирают на властелина; высятся грандиозные города, ко-

торые из царского дворца видны как на ладони. Проплывая во главе своего флота вдоль африканского берега, Клеопатра смотрела на свою столицу, Александрию, простиравшуюся до самого горизонта. На ее глазах разворачивалась гражданская война в Риме; она видела голого Марка Антония и своих рожденных от него близнецов и видела, как гаснет свет, когда покончила с собой 12 августа 30 года до н. э. Какая жизнь прошла

ПРЕДИСЛОВИЕ

перед этими каменными глазами, какие видели они взлеты и падения! Вероятно, в древности глаза ее были инкрустированы драгоценными материалами, но мне ее пустые глазницы даже на руку. В своей книге я попытаюсь заполнить их. А вот как двадцать столетий спустя представила нам царицу знаменитая фабрика грез в Южной Калифорнии:

Она одна в фокусе, остальное размыто; она в центре всего; она заставляет других пасть перед ней на колени; она словно гордая орлица в своем головном уборе из золотых пластин, имитирующих перья; она беззастенчиво демонстрирует свою грудь в низком вырезе платья; она монументальна, как парадная лестница за ее спиной. Да, этот образ больше говорит о вкусах и амбициях XX века, чем о временах Клеопатры, но взгляд ее имел такую же силу, и она так же приковывала к себе взгляды людей. Она точно так же находилась в центре визуального силового поля. Жаль, что нам не дано видеть все то, из чего складывалась зрительная жизнь Клеопатры.

Соединив мой собственный визуальный опыт с опытом всех тех, кто вроде меня с трудом продирается через книги, а также с опытом великих «смотрящих», вроде Сезанна, и могущественных избранных, вроде Клеопатры, мы сможем приблизиться к пониманию того, насколько визуальный опыт человека богат и разнообразен. Гиды определены, можно отправляться в путешествие. Но как оно будет происходить?

Давайте начнем с того, как оно происходит не будет. В процессе подготовки я читал разные труды о психологии и философии зрения, об отношениях власти и образа и т. д. Из них я извлек много полезного для себя в плане содержания, но не формы. По мне, подобные сочинения

представляют собой бесконечные комментарии к комментариям, полемику внутри полемики. Кажется, будто ты попал в собрание философов, куда ни глянь — Сократ, Декарт, Жиль Делёз, Морис Мерло-Понти, Сьюзен Зонтаг... И все обстоятельно что-то друг другу доказывают. То ли у них званый ужин для посвященных, то ли научная конференция, то ли все они — персонажи рафаэлевской фрески «Афинская школа». Надеюсь, в моей книге меньше статики и больше динамики: это не званый ужин, а роуд-муви, фильм-путешествие. В дороге мы повстречаемся с некоторыми из упомянутых мыслителей, но вместо того, чтобы устроить нам коллоквиум на сотню страниц, они ограничатся кратким советом и укажут, куда ехать дальше. Моя книга написана создателем образов, а не создателем слов. Она о зрительном акте: что, где и когда мы видим и как это на нас влияет. Здесь есть скрытая драма, которую подметил Жан Старобинский в книге «Живой глаз», обратив наше внимание на то, что зрительное восприятие сопровождается «ожиданием, беспокойством, опасением, осмотрительностью и желанием себя обезопасить».

Эта книга — не всеобщая история визуального восприятия. Понадобилась бы тысяча таких томов, чтобы описать все, что мы видим — и как видим, охватить миллиарды взглядов, их эстетику и воздействие. Мы же сфокусируемся на отдельных моментах человеческого видения, дадим их крупным планом и смонтируем в расчете на то, что они сумеют дать представление и о всех прочих. Что происходило в зрительном плане, когда случилось извержение Везувия, или когда в 1258 году был разрушен Багдад, жемчужина Востока, или когда состоялись первые в истории Олимпийские игры, или когда Пабло Пикассо пытался с помощью живописных образов выразить те чувства, которые всколыхнула в нем бомбардировка немецко-итальянскими ВВС баскской Герники 26 апреля 1937 года? Такие моменты оставили свой несмываемый след на всей мировой культуре.

Психологи и нейробиологи сделали ряд важных открытий относительно того, как происходит развитие ребенка, как глубокие структуры мозга участвуют в переработке зрительной информации. Все это очень интересно, и я многое уяснил для себя, ознакомившись с результатами научных исследований, однако пересказывать их не входит в мои планы. К науке я обращаюсь только тогда, когда это по-новому высвечивает предмет обсуждения. Я начинаю с рождения ребенка, а оттуда сразу перехожу к другим, как мне кажется, наиболее интересным моментам в развитии зрительного восприятия.

Большинство историй по-прежнему пишутся мне подобными — белыми мужчинами западной культуры, — но здесь, как и во всей моей

ПРЕДИСЛОВИЕ

предыдущей работе, я стараюсь излагать не только «западную», или «мужскую», или «белую» версию истории. Попытка соединить историю индивидуального зрения и зрения, присущего человеку как биологическому виду, ведет к тому, что временная шкала и масштаб моего повествования то и дело меняются — с «микро» на «макро» и обратно.

В заключение воспользуюсь еще одной подсказкой Сезанна. Его процитированное выше письмо говорит не только о том, что наше зрение вбирает в себя все, что мы видели; важно еще, *как* мы это увидели и что сделали с увиденным. Кроме того, смотреть — значит постигать пространство; значит идти вперед, распознавать, желать дотянуться, препарировать, учиться. Это и наши визуальные потрясения, волны эмоций, которые поднимаются в нас под впечатлением от видимого мира. Это все те мгновения, когда мы смотрели на ребенка, или на любимого человека, или на своих родных, и те чувства, которые мы при этом испытывали; это то, насколько мы эти чувства в себе сохранили и насколько способны вызвать их в памяти.

Вот, например. На снимке мой старый мобильник. Он уже не работает, но я не выбрасываю его, потому что на нем фотографии моей бабушки в гробу.

Вообще-то, снимать умерших родственников на похоронах не принято, но мне хотелось сфотографировать ее в последний раз, что я и сделал, когда остался один в траурном зале. Я смотрел на это фото всего раз или два, а потом телефон сломался. За свою жизнь я видел немало мертвецов, видел египетских мумий, видел Ленина и председателя Мао, не говоря о многочисленных мертвых животных. Но сфотографировал я только один труп — бабушкин. Таким образом, мой старый мобильник содержит частицу моей визуальной биографии. Запечатленные на нем образы навсегда в нем и останутся, точно так же как образы мертвых, которых я когда-либо видел, останутся во мне.

Разумеется, не все люди видят. 285 миллионов человек — инвалиды по зрению, из них 39 миллионов полностью слепы. 99 процентов слепых — люди с низким доходом, 88 процентов старше пятидесяти лет. Если вы человек богатый, белый или хотя бы молодой, у вас еще есть шанс обрести зрение. Но некоторые из тех, чья слепота в принципе обратима, сознательно отвергают возможность видеть, их вполне устраивает тот

ЧЕЛОВЕК СМОТРЯЩИЙ

сенсорный контакт с миром, к которому они привыкли, и, напротив, страшит вторжение новой, неведомой им, чуждой способности.

Их не соблазняет перспектива обрести то, чем большинство людей, не задумываясь, изначально обладает: получить в свое распоряжение сложноорганизованный треугольник, вершинами которого служат внешний мир, глаз и мозг. И тут пора сказать о том, насколько несовершенно зрение человека. Если принять, что некая линия представляет собой весь спектр существующих электромагнитных волн, частью которых является воспринимаемый глазом свет, то видим мы примерно столько:

—
А остальное...

...человеческий глаз не распознает. Кошка видит куда больше, и многие приборы тоже — инфракрасные камеры, рентгеновские аппараты, электронные микроскопы и т. д.

Теперь сведем жизнь к этому крохотному, но славному отрезку — к тому, что доступно человеческому глазу. Вот это...

...и есть мир.

Зримый мир. Мир Сезанна, Клеопатры, моей покойной бабушки, деревьев за окном твоей спальни роскошным ранним утром — всего, что ты видел.

Посмотрим на него.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЧАЛО

ГЛАВА 1

Глаза открываются: фокус, пространство и цвет

Если бы я мог изменить самую природу своего естества и стать живым оком, я бы охотно произвел такую перемену.

Ж.-Ж. Руссо. *Юлия, или Новая Элоиза*¹

ФОКУС

Давайте начнем с самого начала. С Большого взрыва, который, впрочем, не произвел Большого шума: звуковые волны не распространяются в пустоте. Зато его можно было увидеть, если бы, конечно, нашлись зрители. Скорее даже не Большой взрыв, а Большую вспышку. Стремительный выход за квантовые величины 13,8 миллиарда лет назад произвел столько света, что Большая вспышка и поныне остается самым ярким событием мировой истории. Свет включился. Можно осмотреться.

Человек смотрящий появился через миллиарды лет после Большой вспышки. Он пропустил самое яркое зрелище, зато к моменту его появления жизнь уже совершила головокружительный эволюционный виток. Человек смотрел на мир двумя вращающимися чувствительными водянистыми шарами. Эти глаза-шары были в равной мере удивленными и удивительными. 120 миллионов палочек в каждом, способных воспринимать свет и тьму и различать 500 черно-белых градаций. И семь миллионов колбочек, позволяющих улавливать миллион оттенков цвета.

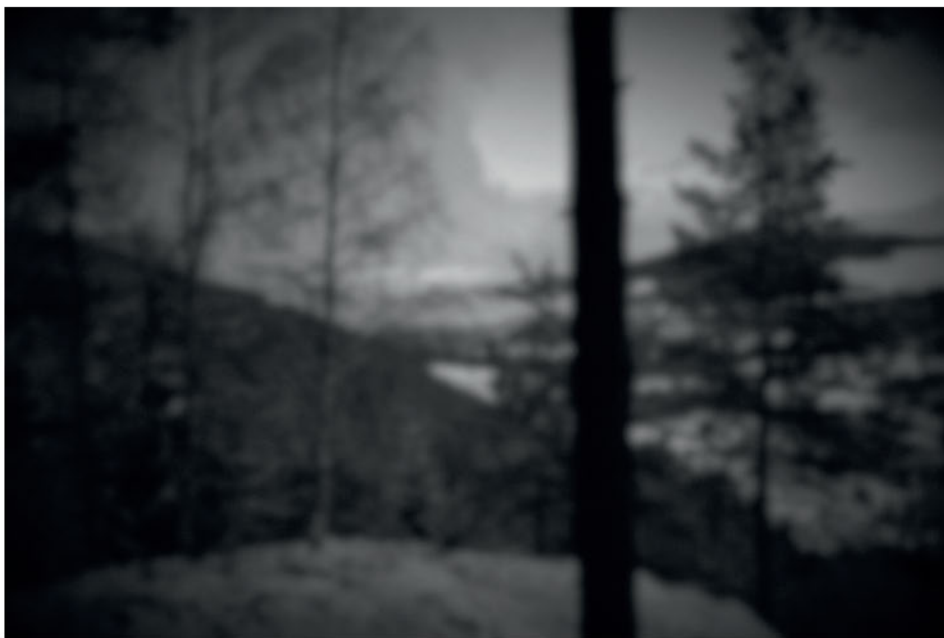
С чего же начинается фотоальбом нашей жизни? Первые его страницы пусты. Давайте представим себе рождение *Homo sapiens*, человека разумного, в Африке около 200 тысяч лет назад. Малышка лежит на отцовской ладони, смотрит на мир и начинает накапливать зрительные

¹ Перевод Н. Немчиновой, А. Худаковой.

ЧЕЛОВЕК СМОТРЯЩИЙ

впечатления. Большие восприимчивые глаза младенца наполняются жизнью. Ее зрение несовершенно. Там, где зрительный нерв соединен с сетчаткой на задней поверхности глазного яблока, есть нечувствительная к свету область — слепое пятно, которое останется на всю жизнь. У новорожденной нет прошлого, во всяком случае так принято считать. В заключении мы еще коснемся этой темы. Спустя непродолжительное время младенец начинает видеть расплывчатые серые пятна. На пустых страницах проступают тени и контуры. Ребенку требуется время, чтобы окружающая действительность обрела четкие очертания, и, прежде чем это произойдет, он будет видеть примерно так:

Мир предстает туманным, призрачным. Повзрослев, мы по-разному реагируем на такую картину. Случись нам пробираться в густом тумане, мы насторожимся: не видно ни ям под ногами, ни веток, готовых стегнуть по лицу. Туман перед глазами рождает неуверенность. Но не только. В истории зрительного восприятия размытость, отсутствие резкости, схождение световых лучей перед или за сетчаткой глаза далеко не всегда говорят о недостатках зрения. Ранние зрительные впечатления складываются в образную систему, которая будет влиять на то, как проявляются наши страхи, любовь, восхищение и самооценка на протяжении всей нашей жизни.

ГЛАЗА ОТКРЫВАЮТСЯ

Чтобы узнать, как именно это происходит, обратимся к фильму шведского режиссера Ингмара Бергмана «Персона» 1966 года.

Мальчик смотрит на мать. Черно-белое размытое, словно увиденное глазами младенца, лицо. В течение нескольких минут после своего появления на свет дитя смотрит — на своих родителей, на животных вокруг или даже на простейшие графические изображения двух глаз, носа и рта. Способность распознавать заложена в нем генетически. На пустых страницах его сознания живут призраки, которые вот-вот проступят из тумана.

Мальчик в фильме поднимает руку, пытаясь прикоснуться к такому призрачному образу — а может, помахать ему? Он разлучен с матерью, выдворен за пределы ее мира, их словно разделяет оконное стекло. Между ними дистанция, но мягкий фокус скрадывает расстояние. Кажется, она так близко, что нашим хрусталикам просто не хватает мощности преломить исходящие от ее лица световые лучи, навести резкость. Тем, кому приходилось просыпаться голова к голове с любимым человеком, знаком этот эффект: черты лица расплываются, а два глаза сливаются в одно огромное циклопическое око посреди лба.

Литературно-художественное издание

МАРК КАЗИНС

ЧЕЛОВЕК СМОТРЯЩИЙ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редакторы Наталия Роговская, Татьяна Шушлебина

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Татьяна Раткевич

Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова

Корректоры Ирина Киселева, Татьяна Бородулина

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.08.2018. Формат издания 70 × 100^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 38,7. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-AAT-22275-01-R